

"Черед видений сумрачных..."

*Иллюстрированный журнал литературы,
критики, театра, искусства и кино.*

ОТ РЕДАКЦИИ: Многочисленный номер был
опоздал из-за пожара в здании и в дороге.

СОДЕРЖАНИЕ:

Лена Сен. ПОД КОКОНИКОМ.
Олея Дельмо. ИТАЛЬЯНСКИЙ КНЯзь,
Романов.
Владимир Брюсов. КОШМАР.
Валерия Санцова. ДЕНЬ ЗАКАТ. Романов.
А. П. Куприна. МОЙ ЗАКАТ. Сонет.
А. Шавлов. ВИЗУАЛЬНЫЙ ЦВЕТ. Сонет.
Фрикер. ВУМЯМЫШНИК. Изюбреска.
Лена Гарина. ВИНГРЕТОЧКА. Стихи.
Лена Сен. * * * Стихи.
Олея Дельмо. * * * Стихи.
В. Санцова. НЕВОНИТНЫЙ РАССКАЗ.
Лена Сен. ПЕРЮЖЕК. Стихи.
И. Сурков. * * * АЛЬБОРД.
Уайльс. КАЙНАН.
Конкурс рассказов.
Хроника
И. И. Мадробурского. ШУТКА.
* * * СТРАХОВКА.
Библиография.
Объявления.

№ 2.

Апрель 1919 г.

Цена 2 р. 50 к.

"Эхо" — иллюстрированный журнал литературы, искусства, критики, театра и кино, начавший выходить в Одессе весной 1919 года. У издателей были, как обычно, большие планы на будущее. Никто не думал, что в начале апреля французские и греческие войска будут спешно покидать наш город, получив экстренную телеграмму: "Министерство Клемансо пало, в Париже баррикады, революция..."

К этому времени вышел уже второй (и последний) номер журнала "Эхо", на котором потом сделали штамп от редакции: "Настоящий номер был отпечатан до перехода власти к Советам".

Увы, первый номер журнала не удалось обнаружить ни в фондах научных библиотек Одессы, ни у краеведов. Содержание единственного сохранившегося выпуска представляет собой весьма пеструю смесь из полу-декадентской поэзии и достаточно приземленных прозаических произведений. Здесь и сказка о современной Золушке под названием "Итальянский князь", и горькая натуралистическая зарисовка "Для всех" талантливого Валерия Санцова, которую редакторы планировали потом выпустить отдельным изданием, и рассказ "Шутка" поэта и прозаика И. Мадробурского.

На страницах журнала находим редкие публикации сонета А.И. Куприна "Мой закат" и стихотворение Валерия Брюсова "Кошмар", а также опусы явной фаворитки издания Лены Сен. Книги этой поэтессы "Эхо" активно рекламировал.

Привлекает внимание любопытная литературная хроника. Например, журнал рассказал своим читателям о планах книгоиздательства "Омфалос", судьбой которого активно интересовались одесские исследователи в течение последних десятилетий.

Занимательно читать о "литературных уродствах" Леонида Гроссмана. Мы, студенты-филологи, почитали его и, помнится, с удовольствием изучали в 60-70-е гг.

На примере журнала "Эхо" еще раз убеждаешься в пользе знакомства с периодикой старой Одессы. Независимо от количества увидевших свет номеров того или иного издания, в них всегда обнаруживаются редкие сведения и свидетельства ушедшей жизни.

Татьяна ЩУРОВА

МОЙ ЗАКАТЪ,

(Сонетъ).

Я знаю триумфы. Свистъ толпы разъяренной.
Удары и ласку, поцѣлуй и мученья.
Ядь мысли и слова этотъ ядь утонченный,
И отдыхъ сладкій послѣ сраженья.
Путь скорби широкій, кровью весь обгаренный.
Тропу незамѣтную, тропу наслажденья.
Глотками, глотками пилъ я жизнь, упоенный,
И кубокъ брошу безъ размышленья.
Пускай моя память на путь мной свершенный
Все вспякъ возвращая, не хочеть забвенья,
Но тихъ мой закатъ, ничѣмъ не смущенный;
Душою порой вспоминаю теченье
Годовъ промелькнувшихъ, какъ миражъ отдаленный!
На днѣ бокала — нѣтъ огорченья.

А. И. Нупринъ.

ВЕСЕННИЙ ЦВѢТЬ.

Ты вся въ цвѣту, какъ подъ окномъ моимъ акація; меня зовуть къ себѣ твои бутоны губъ,
но я иду къ твоей душѣ, гдѣ инкрустаціи, къ твоимъ глазамъ иду, гдѣ спряталася глубь.
Пускай въ саду моемъ акація срѣзается и голый стволъ растетъ, какъ призрачный скелеть.
Когда душа съ тобой... съ тобой въ одно сливается, — могу ли я тогда о чемъ-нибудь жалѣть?..
Въ саду скелеть... Но мысль моя твоей касается, и я — какъ ты въ цвѣту, вся жизнь — весенній
день... Пусть за окномъ моимъ акація срѣзается, — ты садъ души моей... и ты — моя сирень.

Ал. Шатловъ.

Мартъ, 1919 г.

КОШМАРЪ.

Есть въ мірѣ демонъ, съ женственнымъ лицомъ,
Съ когтями львицы, съ тѣломъ сухопарымъ,
Садится къ спящимъ онъ, согнуть кольцомъ,
На грудь, и мы — зовемъ его кошмаромъ.

Онъ давить насъ, и вотъ, въ тяжеломъ снѣ,
Чередь видѣній сумрачныхъ преходить;
Дыханье стѣснено, чело въ огнѣ,
И судорога тщетно пальцы сводить.

Намъ грезится ужасныхъ ликовъ рядъ:
Смѣются дьяволы надъ всѣмъ завѣтнымъ,
Терзаютъ близкихъ, алтари скверняютъ
И стонамъ вторять хохотомъ отвѣтнымъ.

Нельзя бороться и бѣжать нѣтъ силъ:
Оковы на ногахъ и руки въ путахъ,
Повсюду вскрыты пропасти могиль...
Блестятъ изъ мглы орудья пытокъ лютыхъ...

И вдругъ мы вспомнимъ: это все — кошмаръ,
Рукой свободной призраковъ коснемся...
Все сгинетъ вмгъ, исчезнуть страхи чаръ
И мы дрожа отъ радости проснемся!

Валерій Брюсовъ.

* * *

(АККОРДЪ)

Была весна... Цвѣты благоухали и въ рощахъ пѣли соловьи, въ саду, подъ липою густою, впервые встрѣтилась мнѣ ты.

Прошла весна... Цвѣты увяли, покинули рощу соловей. Я вновь въ саду, подъ той же липой, но безъ тебя, съ тоской моей.

И. Сухинъ.

НИГРЕТОЧКА.

Что вамъ до совдепѣи? Что вамъ до политики,
Стройная нигреточка въ шелковыхъ чулкахъ?
Сидя въ ресторанчикѣ, кушая бисквитики,
Вспоминать не хочется о такихъ вещахъ.

Вещи посерьезнѣе роются въ головочкѣ,
Чей карманъ расплатится за "Альбертъ" бисквить.
Что маркизъ давно уже не несетъ обновочки,
И графъ N въ четвергъ не отдасть визить.

Кружатся органныя, пѣсни моветонныя.
Слушаетъ нигреточка, губки закусивъ.
По щекамъ подкрашеннымъ капельки соленныя
Непрерывно падаютъ на чужой ростбифъ.

Плачетъ горько бѣдная, подвергаясь критикѣ.
Vis-a-vis сидящаго дэнди въ домино.
Гдѣ-жь ей до совдепѣи, гдѣ-жь ей до политики,
Если вновь предвидится ужинъ и вино.

Леохъ Джордохъ.

ПОДЪ КОКАИНОМЪ.

Мозгъ затуманенъ наркозомъ,
Прянно въ чаду кокаина
И надъ чаруйнымъ психозомъ
Фея горитъ окариномъ.

Ласки мертвящія грубы
Въ шорохъ мига ночного,
Грустно сжимаются губы,
Гаснетъ послѣднее слово.

Шопотъ забытой легенды,
Слово прощальныхъ напутствѣй.
Скрылись въ туманѣ студенты
Въ мракѣ истомныхъ безчувствѣй.

Августъ, 1918 г.

Лека Сехъ.

Было все лилово... маево и нѣмо
Цвѣль розанъ пунцовый для малютки — Вась.
Я читаль Вамъ строфы жалобной поэмы
И сияли огни въ глубли Вашихъ глазъ.
Было все лилово... даже Ваши взгляды,
Даже Ваши ласки трепетавшихъ рукъ.
Поцѣлюяъ робкимъ оба были рады.
Мы тогда не знали терній и мукъ.
Было все лилово въ Вашемъ будуарѣ,
Въ комнату малютки тихо май вошелъ.
Оба были знойны въ сказочномъ угарѣ,
Въ сказочномъ угарѣ вечеръ насъ оплелъ.
Было все лилово... Стало вдругъ все красно.
И розанъ пунцовый радостно расцвѣль.
Со стихомъ поэмы свѣтлой и прекрасной
Въ вечеръ я лиловый грезиво ушелъ.

Лена Сень.
Январь, 1919 г.

<p>Типографія Б. Уманскаго <i>Художника ул., д. № 33, ул. Жирновской.</i> Пріёмъ всевозможн. типографскихъ работъ, выполнение плакатовъ, дѣтскихъ картинокъ и аккуратное и по доступнымъ цѣнамъ.</p>	
<p>ДОКТОРЪ Д. Ю. ФИЛЛЕРЪ Спѣциалитъ 22 (всегда Промы и Тор.) нар. врачъ. Тел. 79-59. Гретье 9—11 и 4 8. Живовъ 11—12 ч. Опек. ТРИПЕРЪ отр. и тр. врачъ. Лечитъ малюк. бѣсла, энтер. Шла-теръ, сифилисъ, шиа и вѣноск. Плак. «БСР» и «ДЛ» (дѣтск. бол.).</p>	<p>М А Р И для плавания ПОНУПАЮ. Полнотелъ. Андр. рѣдкихъ журунъ „Джоръ“ Купеческая 28, кв. 12 типографія для Н. Д. Л.</p>
<p>ЕЖЕДНЕВНО ДЕНЖУРНОЕ БЛЮДО съ хлѣбомъ и усл. Чай, кофе и пр. манет. Завтраки, обѣды, ужины, шампанскыя. Кабинеты. За продуктами извѣданнымъ врачомъ. Группа книг. пайки. 6 Возновъ.</p>	<p>„ГНОМЪ“ 8 р. Пулковская 28, ул. Сколевая. Готовится и на дачѣ, посетуйте въ печать новыя книги: <i>Лена Сень и</i> <i>Майя Стальбергъ (М. Сухія)</i> СТИХИ Византизмъ и „Южн.“ Ореховъ 1919 г.</p>
<p>Полнотелъ и на дачѣ посетуйте въ печать новыя книги: <i>Лена Сень</i> СУДЬБА СТИХИ. «Курьеръ», «Иллюстрация». Ореховъ — 1919 г.</p>	<p>Полнотелъ и на дачѣ посетуйте въ печать новыя книги: <i>Лена Сень и</i> <i>Майя Стальбергъ (М. Сухія)</i> СТИХИ Византизмъ и „Южн.“ Ореховъ 1919 г.</p>
<p>Полнотелъ и на дачѣ посетуйте въ печать новыя книги: <i>Лена Сень</i> Женщина съ перомъ. (романъ) Ореховъ 1919 г. Цѣна 2 руб. «Курьеръ», «Иллюстрация» Прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.</p>	<p>ТРЕБУЮТСЯ — АГЕНТЫ — для сбора объявленій на вы- годныхъ условіяхъ. Редакція „ЗХО“ отъ 5 7.</p>

ДЛЯ ВСѢХЪ!..

Разказъ Валерія Санцова.
(Окончаніе).

Сумерки сгушались и какъ будто бы темной вуалью охватывали всѣ предметы, придавая имъ таинственный оттѣнокъ и мало-по-малу скрывая ихъ очертанія въ вечерней мглѣ.

Аксинья неподвижно лежала на кровати, плотно прижавъ пылающее лицо къ подушкѣ. Она старалась забыться, уснуть, или хотя бы задремать, но благодѣтельное забвеніе не приходило и въ разгоряченный мозгъ легли мысли о произошедшемъ.

Да... уже... совершилось... неслышно шептали запекшіяся губы и гдѣ-то въ мозгу имъ аккомпанировала жуткая и навязчивая мысль:

— Ты пропала!.. ты пропала!.. про-пала!..

Въ комнату ворвался первый лучъ восходящаго солнца и какъ будто-бы привѣтствовалъ дѣвушку.

Аксинья зачерпнула всей грудью воздухъ.

— Теперь я для всѣхъ! — подумала она и произнесла громко: Для всѣхъ! для всѣхъ!..

Въ домѣ просыпались.

Она силилась отогнать эти мысли, плотнѣе закрывала глаза и сжимала ротъ до скрежета зубоваго, но губы также безвольно и неслышно шептали:

— Совершилось... совершилось...

И въ мозгу также назойливо копошилось:

— Пропала!.. пропала!.. пропала!..

Передъ глазами поплыли красные и зеленые квадратики и кружочки, и Аксинья казалось, что она проваливается въ бездну, и жаль было невозвратныхъ минутъ и въ то-же время жгуче-пріятны были эти мгновенія. Были ненавистны и радостно близки грубыя объятія юношей и такъ унижающе-оскорбительны, и между тѣмъ милы ихъ споры изъ-за первенства обладанія ею, когда она трепетала полубожаемая на диванѣ. До мельчайшихъ подробностей проходили передъ ней сцены прошедшихъ минутъ и она снова переживала ихъ. Она начала вздрагивать, точно такъ, какъ вздрагивала въ одной лишь приподнятой и свернувшейся въ жгутъ на шеѣ рубашкѣ давившей ей горло и затруднявшей дыханіе. Подъ тяжестью Сергѣя, когда его потные и толстые мясистые пальцы увлажняли ея голое тѣло. Изъ груди ея вырвался вздохъ не то печально-грустный, не то сладострастный, и передъ ея взоромъ про-

шли видѣнія тѣхъ мгновений, когда она безвольно и недвижно лежала уже на ковѣ, и свернувшаяся рубашка была снята совершенно, а худой и мрачный со сверкающими глазами Владиміръ своимъ угловатымъ и костлявымъ туловищемъ прижималъ ее къ жесткому плюшевому ковру и холодными длинными пальцами перебиралъ ея груди, а затѣмъ въ приливѣ чудовищнаго сладострастія впиалъ губами въ ея тѣло. Ей было немного больно, но она не сопротивлялась, не думала сопротивляться, и даже если-бы эта мысль и зародилась въ ея головѣ, она сочла-бы ея дикой и безумной и отогнала прочь. И даже теперь, понявъ произошедшее, она себя не винила въ томъ, что не убѣждала, когда выпустивъ ее на минутку изъ рукъ, братья горячо принялись убѣждать другъ друга въ своемъ правѣ на первенство на обладаніе ею. И тогда она знала, что можетъ встать и уйти, но какая-то внутренняя сила ее удерживала и она страшась и понимая, что сейчасъ произойдетъ, все-таки осталась и не сопротивляясь отдалась и Сергѣю и Владиміру. Она слышала доносившіеся изъ кухни крики барыни и глухое ворчаніе кухарки и внутренне драма ея при мысли, что вдругъ кто нибудь можетъ войти.

Она ясно помнила, что послѣ всего этого она быстро встала, одѣлась и забывъ застегнуть подвязки и кнопки лифа, а только пристегнувъ нѣсколько крючковыхъ блузки и оправивъ растрепавшіеся волосы, молча направилась къ двери, обернувшись сказала.

— Сережа, застегните курточку, и вы, Володя, тоже, а то сейчасъ мамаша...

Больше она ничего не произнесла. Голось ея былъ спокоенъ и она сама удивилась своему безразличію, и только придя въ свою комнату упала на кровать и прижалась лицомъ къ подушкѣ.

— Поганные!.. Поганные и меня опоганили... она приложила руки къ дрожащимъ вискамъ.

Въ груди что-то защемило и начало сильно биться.

— Ишь ты, опоганенная, а сердце и душа есть, — промелькнула ироническая мысль, и точно упиваясь сарказмомъ она думала о своемъ паденіи, о своей "поганности" и все перебирала мельчайшіе подробности случившагося и ей становилось все легче и легче.

.....

Часы мѣрно тикали на ночномъ столикѣ у кровати Аксиньи, и на мгновенье прервавъ свою монотонную музыку, какъ будто къ чему то приготавливались. Что-то внутри захрипѣло, заскрежетало и часы хриплымъ звукомъ начали выбивать часы. Восемь. Было уже почти совершенно темно.

Аксинья поднялась съ кровати и подошла къ окну. Постояла немножко. Во всемъ тѣлѣ чувствовалось что то новое, непонятное.

Постучалась въ дверь Надя и позвала ужинать. Аксинья отказалась. Сказала, что голова болитъ. Дѣвочка ушла. Анна Степановна постояла еще немного у окна, затѣмъ задернула занавѣсь. Въ комнатѣ стало совершенно темно. Стало какъ-то не по себѣ, Скучно. Пожалѣла, что отказалась сойти внизъ поужинать. Голода не ощущала, но тамъ съ людьми было бы какъ-то лучше. Подошла къ двери. Пріоткрыла немного. Съ низу доносился звонъ посуды и столоваго серебра.

— Ужинають, — промелькнула мысль.

Хотѣлось сойти внизъ. Сдѣлала шагъ и отчутилась въ корридорѣ, но дальше итти не могла. Остановилась и стала прислушиваться къ шуму, доносившемуся изъ столовой. Преобладать низкій, почти мужской голосъ госпожи Бѣлкиной и пискливый Нади. Самаго Бѣлкина очевидно не было.

— Уберите со стола. Это былъ голосъ хозяйки.

— Кончили, — подумала Аксинья и попятилась обратно въ комнату. Дверь осталась полуоткрытой. Ощупью въ темнотѣ добралась къ окну и сѣла на подоконникъ. Часы продолжали мѣрно тикать.

Аксинья сидѣла, ни о чемъ не думая. Мыслей не было. Не считала времени. Слегка загла дыханіе.

V.

Бѣлкин поднимался на верхъ. Жена передала ему, что Аксинья больна и послала его узнать что съ ней. Госпожа Бѣлкина была очень мнительна и заразы боялась пуще всего.

Аксинья слышала чьи-то тяжелые шаги на лѣстницѣ, но она не шевельнулась. Въ корридорѣ было совершенно темно и инженеръ зажегъ спичку. Слабый отблескъ огонька попалъ въ комнату. Бѣлкинъ подошелъ къ двери, она оказалась открыта, вошелъ и не сразу замѣтилъ Аксинью, недвижно сидѣвшую на подоконникѣ.

— Аксинья, гдѣ вы? спросилъ инженеръ.

Аксинья не отвѣтила, но Бѣлкинъ увидѣлъ ее и подошелъ.

Она сидѣла блѣдная, уставившись взоромъ въ одну точку, чуть чуть повыше дверьного косяка. Кофточка ея была застегнута только на одинъ крючокъ, изъ подъ нея торчали лифъ. Шея была вся обнажена, руки сложились какъ будто для молитвы на колѣняхъ.

Эротическая мысль промелькнула въ мозгу Бѣлкина. Онъ сразу догадался.

— Вы больны?..

Спичка погасла. Онъ началъ чиркать. Зажегъ другую и освѣтилъ Аксинью. Она сидѣла также какъ и прежде, только взоръ ея обращенъ былъ на Бѣлкина.

— Вы больны? повторилъ онъ вопросъ.

Въ его мозгу рисовалась картина тождественная съ недавней дѣйствительностью. Кровь прилила къ лицу. Въ колѣняхъ онъ чувствовалъ дрожь. Ноги подгибались. Было физически не возможно думать. Локоть его задѣлъ занавѣсъ и немного отодвинулъ. Въ комнату проникъ лунный лучъ, придавъ всей обстановкѣ таинственно-магическія очертанія. Спичка догорая, обожгла пальцы Бѣлкина, онъ отбросилъ ее и нечаянно рванулъ полу дѣвушкиной кофточки. Крючокъ оборвался, кофточка соскользнула съ плечъ и Аксинья очутилась передъ Бѣлкинымъ полуобнаженная, рука его коснулась темнаго тѣла и ощутила нѣжную грудь дѣвушки.

Инженеръ не выдержалъ. Онъ схватилъ Аксинью въ объятія и прижалъ къ груди. Дѣвушка не противилась. Прежняя апатія снова овладѣла ею: ей было все равно.

Въ мозгу родилась мысль:

— Отець... сыновья... всё...

Бѣлкинъ положилъ дѣвушку на кровать. Она прижалась къ ему и руками обхватила его шею.

.....

Бѣлкину Аксинья отдалась добровольно.

Онъ скоро ушелъ, и внизу успокоилъ жену:

— Аксинья вполне здорова, только голова...

.....

Дѣвушка лежала навзничъ, закинувъ руки. Глаза ея были широко открыты.

— Семейная собственность... Отець... сыновья... Родовое имущество...

Она улыбнулась, оскаливъ свои хищныя зубки дикаго звѣрьшища.

— Сыновья... отецъ... — она не хотѣла думать и быстро поднялась...

Валерій Сахчовъ.

ШУТКА.

Очеркъ.

I.

Никита Максимычъ — паггаузный агентства Рѣчного пароходнаго общества. Онъ цѣлый день на ногахъ; занять ежедневной приѣмкой и выдачей груза кліентамъ пароходства.

За день Никита Максимычъ такъ устаетъ, что вечеромъ, поздно, возвратившись домой не чувствуетъ подъ собой ногъ и все тѣло у него ноетъ. Только горькая нужда заставляетъ его занимать эту каторжную должность въ пароходствѣ.

Сегодня Никита Максимычъ былъ

особенно заваленъ работой. Утромъ съ парходомъ прибыло много разнаго мелкаго груза; почти до трехъ часовъ шла выгрузка, а потомъ началась выдача товаровъ получателямъ и затянулась до вечера; вечеромъ опять нельзя было передохнуть: принимали транспортъ рыбы для отправки въ сосѣдній портъ. Вернулся Никита Максимычъ домой часовъ въ одиннадцать, разбитый, уставшій, съ синяками на зеленовато-желтомъ чахоточномъ лицѣ, тотчасъ же упалъ на диванъ.

— Никитушка, встревожилась жена: —

А какъ же съ ужиномъ то? Неужто опять ничего не закусишь?.. Боже мой, вѣдь, ты изъ силъ выбьешься?..

Никита Максимычъ махнулъ рукой.

— Не могу!.. Ничего не хочу.. Только отдыха. Охъ, какъ усталъ!.. Все тѣло ломить... Хоть бы буксиръ съ баржами не пришелъ... Ужъ и не знаю, что буду тогда дѣлать. Не буди меня по пустякамъ...

— А развѣ ночью парохода ждешь? испугалась жена.

— Все возможно... Эти пароходы не ходятъ по расписанію.

— Боже мой!.. Боже мой!.. закрыла лицо руками жена.

— Ну, ну... уже началось... съ неудовольствіемъ произнесъ Никита Максимычъ... Ложись-ка и ты... Покойной ночи!..

И Никита Максимычъ повернулся къ стѣнѣ. Слышно, какъ тикаютъ часы, висящіе на стѣнѣ, да со двора доносится завываніе вѣтра и всхлипываніе дождя. У воротъ заскрипѣла калитка. Кто то сильно стукнулъ въ окно. Никита Максимычъ вскочилъ съ кровати.

— Что это? бормочетъ онъ: — Показалось?..

— Никита Максимычъ! а, Никита Максимычъ! вдругъ раздалось за окномъ.

"За мной", подумалъ Никита Максимычъ: — "Степка".

— Кто тамъ?.. Что нужно?.. Я слышу!..

— Пароходъ съ баржей идетъ!.. Пожалуйте въ агентство!.. Никита Максимычъ вздрагиваетъ и лицо его принимаетъ восковой оттѣнокъ.

— Пароходъ! съ ужасомъ повторяетъ

онъ про себя: — Господи. Въ головѣ шумъ... въ вискахъ стучить!..

— Хорошо, громко говорить онъ: — я сейчасъ приду..

— Скорѣе! доносится за окномъ. Шлепаютъ по грязи удаляющіе шаги. Никита Максимычъ быстро одѣвается. Уже в пальто и шляпѣ онъ нерѣшительно подходитъ на ципочкахъ къ кровати жены.

"Спитъ", думаетъ про себя онъ, взглядывая на улыбающееся во снѣ лицо жены: — Навѣрное хорошій сонъ снится... и онъ, близко нагнувшись, осторожно, что-бы не разбудить ребенка, шепчетъ:

— Аня!.. Аничка... Проснись!..

Жена долго не можетъ проснуться. А вокругъ по прежнему тихо; только воеетъ на дворѣ вѣтеръ, булькаютъ капли дождя, да тикаютъ часы... Наконецъ, Анна Даниловна просыпается и тотчасъ же бросается къ ребенку... Но увидѣвъ предъ собой мужа, она съ полуоткрытымъ ртомъ смотритъ на него.

— Ты одѣтъ?.. Куда же ты?..

— Пароходъ идетъ... Сейчасъ человекъ за мной приходилъ изъ агентства... Запри, милая, за мной дверь...

III.

Еле волоча ноги по грязи, тяжело дыша, поминутно кашляя, Никита Максимычъ плетется къ пристани агентства. На пристани темно... И только у сторожевой будки, гдѣ сложены мѣшки съ мукой, бочки съ мясомъ, ящики, земледѣльческія орудія — горитъ, слабо мерцающая столбовой фонарь, освѣщая небольшой квадратъ асфальта. Съ одной стороны виднѣется часть

здання агентства съ вывѣской надъ дверю; съ другой стороны рѣки — силуэты судовъ, стоящихъ у пристани съ торчащими, какъ щетина, мачтами. А подь деревяннымъ навѣсомъ играютъ въ карты три челоуѣка. Одинъ изъ нихъ сторожъ Митька, небольшой, съ плутоватымъ лицомъ мужичекъ; двое другіхъ — рабочіе, служащіе въ пароходствѣ; одинъ — молодой парень Алешка; другой — бородатый мужикъ Степка. Вдругъ парень вскакиваетъ съ мѣста и, тыча пальцемъ по направленію къ городу, съ испугомъ говорить:

— Никита Максимычъ уже идетъ!..

— Гдѣ?.. Гдѣ?.. Да неужто?..

— Нешто не видѣте?..

Игра прекращается, всѣ трое смотрятъ въ темнѣющую даль.

— Здравствуйте, ребята! вынырнувъ изъ темноты и, подходя къ сторожамъ, произносить Иванъ Максимычъ: — Что? пароходъ идетъ?..

Сторожъ и рабочіе вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, молчать. Во всей согбенной фигурѣ Никиты Максимыча видна усталость; на лицѣ и, особенно, въ выраженіи глазъ, боль и печаль... Грудь тяжело вздымается.

— Что же вы молчите?.. Гдѣ-же пароходъ?..

Сторожа переглядываются и Митька, скорчивъ на своемъ плутоватомъ лицѣ печальную мину, жалкимъ голосомъ говорить:

— Простите, Никита Максимычъ... Простите насъ...

На лицѣ пакгаузнаго выражается тревога.

— Что такое?.. Несчастье случилось?..

— Мы ошиблись. Зря васъ больного разбудили. Пароходъ, который мы приняли за "нашъ" оказался "чужимъ"...

"Разнесетъ сейчасъ", подумалъ Степка.

— Нѣтъ парохода?.. Въ голосѣ Никиты Максимыча послышалось невыразимое счастье.

— Ошиблись!.. тараша на пакгаузнаго удивленные глаза, пробормотали сторожа.

Лицо Никиты Максимыча просіяло.

— Слава Богу!.. а я-то думалъ, притащило пароходъ не во время!..

Никита Максимычъ снова зашагалъ по грязи, направляясь въ городъ.

— Дуракъ онъ, и не подумалъ, что мы его надули. Дѣйствительно дурень!..

— Вотъ видите, ребята, авторитетно замѣчаетъ Митька, тасуя карты: — А вы боялись загѣять эту исторію... Надо еще разъ продѣлать эту штуку, когда онъ будетъ, какъ особенно уставши... Коли мы не спимъ, пушай же и онъ не спитъ... ничего что большой!

— Да, это понятно... соглашаются рабочіе. — Жаль, что эту самую исторію опасно надъ агентомъ продѣлать... а то бы, ахъ, какъ занятно было...

Всѣ трое начинаютъ хохотать. Смѣхъ ихъ долго раскатисто носится въ воздухѣ и, кажется, что вѣтеръ и дождь не въ силахъ его заглушить... А вдали ступшевывается во мракѣ фигура Никиты Максимыча... Слышится кашель надорванной больной груди...

Ив. И. Мадобурскій.

Кино-Театръ „ХАМЕЛЕОНЪ“, Нѣжинская 37.

Большая праздничная программа. Захватывающая трагедія танцовщицъ изъ цикла „Бѣлыхъ рабынь“ „ПОХИЩЕННАЯ ЖИЗНЬ“ въ 4 частяхъ. „ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ“ Драма въ 4 частяхъ. „ИЗЪ МРАКА ЦАРИЗМА КЪ СЯНЮ СВОБОДЫ“. Сверхъ программы „Похороны Краснаго Лейтенанта ШМИДТА, въ Одессѣ.

Театръ Дѣтской Сказки Макса Поляновскаго.
Б.-Ришельевскій театр.

Въ Воскресенье 24-го марта | Въ Понед. 25 марта 2-й разъ

Золушка | **Дѣти Капитана Гранта**

Начало въ 1 часъ дня.

Готовится: **ЖИЖИНА ДЯДИ ТОМА.**

ПИСЬМ. И КАНЦ. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ДАВИДЪ ГРИНЗАФТЬ

— Одесса, Греческая, № 20. —

АПТЕЧНЫЙ СКЛАДЪ

Б. КРАХМАЛЬНИКЪ и А. СОКОЛИКЪ

Одесса. Канатная 46.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

ПАРФЮМЕРИИ и КОСМЕТИКИ

русскихъ и заграничныхъ фирмъ

по оптовымъ цѣнамъ.